

Уразаева Куралай Бибиталыевна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010000, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
enu@enu.kz

Азкенова Жанаргуль Кадырбековна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010000, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
azkenova@mail.ru

Манипуляция как риторический аргумент в поэтике Чехова*

Для цитирования: Уразаева К. Б., Азкенова Ж. К. Манипуляция как риторический аргумент в поэтике Чехова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 298–312. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.204>

Статья представляет опыт дискурсивно ориентированного подхода в изучении художественной литературы и посвящена исследованию манипуляции как риторического аргумента. Обобщение результатов изучения литературы с позиции коммуникативных стратегий потребовало описания текста как коммуникативной стратегии в ее связи с дискурсом. Изучение художественного произведения обосновано в аспекте риторической коммуникации, персуазивной программы, аргументативного дискурса. Манипуляция рассматривается как способ приобретения текстом аргументативных характеристик. Анализ манипуляции осуществлен посредством решения нескольких задач: классификации внешних и внутренних факторов эффективной коммуникации, сопоставления аргументативных стратегий литературных героев с аргументативными результатами, установления факторов жанровой трансформации. Осуществлена трактовка внешних факторов воздействия как результата несовпадения коммуникативных настроек героев, внутренних факторов коммуникации в качестве манипуляции героев. Анализ авторской точки зрения с позиций метасмысла и метанаблюдателя позволил установить связь между жанром и способами перлокутивного воздействия и организации текста как персуазивной программы. Различия способов перлокутивного воздействия в рассказе объясняются аллюзивной иллюстративной дискурсивностью. Анализ комической модальности произведения показал расхождение аргументативных стратегий и аргументативных результатов, что выявило роль манипуляции в жанровой трансформации, основанной на синтезе водевиля, фарса, социально-бытовой комедии. Установление факторов жанровой трансформации в поэтике Чехова стало возможным на основе анализа чеховского юмора с позиций метасмысла и смысловых пробелов. В статье предложен опыт понимания коммуникативной стратегии с позиции соотношения коммуникативных интенций писателя и рецептивных ожиданий

* Статья написана в рамках проекта «Формирование профессиональной мультилингвальной личности нового типа в условиях полиязычного образования РК» (руководитель — д-р филол. наук, проф. Ш. К. Жаркынбекова) по договору № 132 от 12 марта 2018 г.

читателя, роли вербальной и невербальной коммуникации героев, синтезированных в манипуляции и манипулятивных техниках.

Ключевые слова: Чехов, манипуляция, риторический аргумент, Задача, Предложение.

Введение

Современное литературоведческое прочтение текста характеризуется множественностью исследовательских стратегий, в том числе с позиции коммуникативной природы литературы. Обзор ряда направлений позволяет уточнить актуальные для выработки концепции настоящей статьи представления.

Обоснованное в трудах В.И.Тюпы применение неориторического анализа [Тюпа 2008; Тюпа 2010] и др., соотношение дискурса с жанром [Руднев 2000] создают предпосылки для изучения коммуникативной стратегии как фактора порождения высказывания. Известно, что еще в работах М.М.Бахтина было заложено различие между поэтикой и возможностями дискурсного подхода к тексту: «Событие жизни текста... есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1986: 440]. Обоснование дискурса Тюпой как «коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» [Тюпа 2008: 273] снижает в обоснованной ученым концепции текста как фокуса трех компетенций роль референтной компетенции. Между тем коммуникативная природа художественного произведения включает в поле референции способы управления автором сознанием и поведением героев, что способствует управлению восприятием адресата сообщения.

При существовании множества трактовок дискурса лингвистами и литературоведами можно констатировать единство подхода в типологии дискурса как коммуникативной практики. Характеризуя основы и концепцию культуроведческой лингвистики, ученые обращают внимание на связь дискурсивно ориентированного подхода и сфер коммуникации, «которые проявляют лексические, прагматические, текстуальные особенности, порождаемые различными коммуникативными условиями функционирования языка и культуры» [Куссе, Чернявская 2019: 451]. Обозначенный исследователями акцент на «целенаправленном выражении типичных языковых и прагматических характеристик в процессе коммуникативной практики» [Куссе, Чернявская 2019: 451] ставит науку перед задачей описания текста как коммуникативной стратегии в ее связи с дискурсом.

Плодотворным и интересным является опыт разработки коммуникативной стратегии А.П.Чехова, основанный, в отличие от подхода Тюпы, на «авторской инстанции в художественном тексте» [Степанов 2005]. Обращая внимание на стратегию писателя в аспекте управления, исследователь делает упор на «тот аспект образа автора, который стоит за всеми коммуникативными тактиками текста» [Степанов 2005: 56]. Продолжая мысль ученого о том, что коммуникация — «не элемент культуры, а ее грамматика, связывающая все элементы воедино» [Степанов 2005: 57], авторы настоящей статьи придерживаются представления о художественном произведении как риторической коммуникации, персуазивной программе и аргументативном дискурсе. Сочленение этой триады делает актуальным понимание коммуникативной стратегии с позиции соотношения коммуникативных интенций писателя и рецептивных ожиданий читателя, роли вербальной и невербальной

коммуникации героев (жеста, портрета, интерьера, телодвижений, поз, умолчания и т. д.), обособляющей роль манипуляции и манипулятивных техник.

Авторами настоящей статьи был предпринят опыт изучения речевой и неречевой манипуляции в рассказе Чехова «Смерть чиновника» [Уразаева, Азкенова 2020: 52–57]. Анализ чеховского рассказа как двойного сообщения — языкового и текстового — опирался на понятия лингвистики глубинных структур: **метасмысла** — явления, когда следы мыслительной деятельности обнаруживаются **в том, что не выражено словами, а подразумевается** [Шляхов 2014: 53–60], и **метанаблюдателя**. Метасмысл был исследован в аспекте предпосылок для точной трансляции авторской точки зрения и выявления внутренних границ рассказа как языкового и текстового сообщения. Была установлена функция *метасмысла* как провокации автора, роли в речевой/неречевой манипуляции иронии как приема иллокутивного воздействия *говорящего на слушающего*, юмора как риторической стратегии автора. Была показана роль автора как *метанаблюдателя*, который создает и организует речевую/неречевую коммуникацию с читателем.

Внимание к *свободным позициям (смысловым пробелам), незаполненным позициям* В. Изера: читатель может подключиться к пониманию текста «элементарными матрицами» взаимодействия текста и читателя [Изер 2019] — способствовало выявлению в составе двойного сообщения функции «дописывания» текста читателем. Анализ чеховского юмора в синтезе **метасмысла** и **смысловых пробелов** проливает свет на жанровую трансформацию рассказа Чехова.

Проблеме манипуляции как риторического приема в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» посвящена работа А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной [Сковородников, Копнина 2003], изучению манипулятивной лексики Чехова — работа В. В. Чалого [Чалый 2015]. Такой подход расширяет представление о тексте с позиций его порождения и интерпретации, дополняя и уточняя представление о коммуникативном изучении текста.

Взгляда риторики на текст как персуазивную программу придерживаются исследователи алтайской школы коммуникативистики. Так, ученый пишет об особом способе организации текста, который дает возможность ритору и аудитории достичь во взаимодействии своих целей или, по крайней мере, начать движение к согласию по поводу их достижения [Риторика 2018]. Такой подход подтверждает актуальность для настоящей работы изучения художественного произведения как риторической коммуникации.

В коммуникативной теории изучения текста особую область составляют труды, посвященные аргументации и ее роли в управлении речевыми коммуникациями [Риторика 2018]. Заслуживает внимания позиция алтайской научной школы риторики, обращающей внимание на понимание аргументации, составляющей «внутреннюю сущность риторики», отношение к аргументации как «управляющей деятельности в процессе корректировки картины мира участников аргументации» [Чачесова 2016]. Такой подход позволяет рассмотреть манипуляцию как аргументативный дискурс. Правомерность такой трактовки подтверждается результатами психологии и понятием **коммуникативной настройки**, которое стало основанием для разграничения учеными внешних и внутренних факторов процесса риторической коммуникации. Так, выделяя внешние факторы эффективности коммуникации, исследователи называют способность ее участников «подстроиться» друг

под друга и под условия общения» [Основы общей риторики 2013: 157]. Данное представление способствует выработке методики анализа художественного произведения как риторической коммуникации. Такой опыт привел к выявлению в жанровой структуре чеховского рассказа признаков мениппеи с ее системой синкриз (сменяющихся коммуникативных стратегий спора/примирения/ссоры) и карнавальностью [Уразаева 2019: 176–185].

Направленность проведенного в настоящей статье анализа на установление факторов жанровой трансформации созвучна мысли исследователя о «смещении/смещении жанров», имеющего в виду не только литературные жанры, но и речевые, в теории М. М. Бахтина, жанры, в том числе первичные [Степанов 2016]. Выявленные А. Д. Степановым примеры со- и противопоставления дискурсов, медиация несовместимых жанров (через присущую обоим жанрам «информативную» составляющую) иллюстрируются в исследовании «Новые англоязычные работы о Чехове» [Степанов 2016: 187–193].

Постановка проблемы

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена применением дискурсивно ориентированного подхода к изучению художественной литературы, описания текста как коммуникативной стратегии. Такой подход определил взгляд на художественное произведение как риторическую коммуникацию, персуазивную программу, аргументативный дискурс и создает возможность изучения манипуляции как риторического аргумента и способа приобретения текстом аргументативных характеристик. Цель статьи заключается в исследовании манипуляции как риторического аргумента. Задачи: 1) классификация внешних и внутренних факторов эффективной коммуникации; 2) анализ аргументативных стратегий литературных героев и их аргументативных результатов; 3) изучение манипуляции как способа управления автором коммуникацией героев и риторического аргумента; 4) установление факторов жанровой трансформации. Авторы статьи, продолжая тему механизма манипуляции и ее роли в приобретении текстом аргументативных характеристик, в качестве объектов изучения выбрали рассказ А. П. Чехова «Задача» (1887) и пьесу «Предложение» (1888).

Методология

Методологическая база статьи сформирована обобщением современных результатов науки в части исследования коммуникативной природы литературы. В синтезе исследовательских подходов и методов определяющими явились следующие: метод нериторического анализа, разработанный в трудах В. И. Тюпы; изучение Степановым речевых жанров с позиций коммуникативной стратегии, выявление роли образа автора в системе коммуникативных тактик текста, понимание коммуникации как «грамматики» культуры, связывающей все элементы воедино».

Актуальная для науки выработка дискурсивно ориентированного подхода к изучению литературы обусловила внимание к культуроведческой лингвистике — области исследований Х. Куссе и В. Е. Чернявской — и задаче типологии дискурса как коммуникативной практики. В литературоведении соотношение дискурса

с жанром создает возможность изучения коммуникативной стратегии как фактора порождения высказывания, описания текста как коммуникативной стратегии в ее связи с дискурсом.

Применение методов лингвистики глубинных структур актуализировало понятие метасмысла как способа трансляции авторской точки зрения и изучения текста как языкового и текстового сообщения. Использование рецептивно-феноменологического метода и понятия **свободных позиций (смысловых пробелов)** и **незаполненных позиций** способствует изучению манипуляции как риторического аргумента.

Расширение и уточнение представления о тексте с позиций его порождения и интерпретации в аспекте коммуникативных интенций автора и рецептивных ожиданий читателя, фокусирующихся в манипуляции, объясняет представление о художественном произведении как о риторической коммуникации, персуазивной программе и аргументативном дискурсе.

Результаты

Манипуляция в рассказе Чехова «Задача»

Признаки иронического дискурса заложены автором в композиции рассказа. Так, экспозиция формируется интригой **фамильной тайны Усковых**¹. Посвященность в тайну трех женщин, близких к добрейшему Ивану Марковичу, делающих «вид, что ничего не знают», интересна созданием несовпадающих коммуникативных настроек как завязки конфликта. Влияние коммуникативной установки героев на решение задачи принимает характер дилеммы: *...заплатить ли им по векселю и спасти фамильную честь, или же омыть руки и предоставить дело судебной власти?* (Задача. С. 353). Обозначение автором Ивана Марковича как «заступника» Саши Ускова является исчерпывающей формулой аргументативной стратегии, определяет характер манипуляции. Дяди со стороны отца: полковник и «чиновник казенной палаты», который характеризуется как «человек молчаливый, недалекий и ревматический», — едины с Иваном Марковичем в осознании «неприятной и щекотливой» ситуации. Сиротство 25-летнего героя — это неявный, но сохраняющийся в подтексте аргумент в пользу защиты фамильной чести.

Дилемма обусловила развитие сюжета в поле двух взаимоисключающих решений и противоположных аргументативных дискурсов. До определенного времени аргументативная стратегия Саши Ускова, которому все равно:

простят его или не простят; пришел же он сюда ждать приговора... Будущего он не боится. Для него всё равно, где ни быть: здесь ли в зале, в тюрьме ли, в Сибири ли.
— Сибирь так Сибирь — чёрт с ней! (Задача. С. 355)

— дядями не учитывается. Однако здесь скрыт еще один вариант аргументативного дискурса. Он исходит от автора-метанаблюдателя, придающего целостность выстроенной им повествовательной конструкции. Именно автор-повествователь

¹ Чехов А. П. Задача. Цит. по: Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 6. [Рассказы], 1887. М.: Наука, 1976. С. 353–359. <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp6/sp6-353-.htm> (дата обращения: 16.09.2019). (Далее — Задача.)

организует развитие сюжета и управляет рецепцией читателя посредством перлокутивного воздействия, первым сигналом которого является несовпадение коммуникативных настроек героя и его родственников. Три способа аргументации, сопоставимые с техниками манипуляции, которых придерживаются дяди героя, ведут в итоге к разным аргументативным результатам. С одной стороны, манипуляция Ивана Марковича, рассуждающего об увлечениях молодости, подмена преступления Саши увлечением молодости, убеждение собеседников в переживаемом племянником смирении, стратегия риторически возвышенной, сентиментальной речи трансформируют понятие фамильной чести в представление о гражданском долге. Отсюда апелляция к мотиву казни преступника до формулы снисхождения и милосердия — *протянуть руку помощи* (Задача. С. 355). Оправдание Саши нервической, легко возбуждающейся натурой сироты, ссылки на учение Ломброзо, примеры великих людей, рассуждения о злой воле произносятся Иваном Марковичем *плавно, мягко и с дрожью в голосе* (Задача. С. 354). Образ покойной сестры Ивана Марковича, оратора и адвоката в одном лице, матери Саши, «несчастной, святой женщины», привлекается Иваном Марковичем для усиления воздействия на собеседников. Его плач и всхлипывания воспроизводят риторику мнимого благочестия и манипуляцию, основанную на апелляции к загробному покою матери Саши. Двойником добрейшего заступника является его жена, которую Саша не любит. Появление ее в сумерках, картинное поведение, слезы, ломание рук оставляют героя равнодушным.

Дядя-полковник, со свойственной военному категоричностью, аргументирует свою позицию ложно понятой фамильной честью, которая есть предрассудок, не защищающий Сашу от повторения преступления. Оценка полковником доводов Ивана Марковича как «риторики и погремушек» сводит на нет аргументацию дяди Саши по матери и разоблачает его репутацию как добрейшего человека, уводящего участников встречи в сторону от «серьезного дела». Функцию аргументативного воздействия принимает на себя звукосимволизм: голос полковника, противный и металлический, заглушает речь Ивана Марковича. Другой дядя по отцу ссылается только на газеты. Такая минус-аргументация усиливается его бормочущим голосом и нивелирует речевую коммуникацию героя.

Манипуляции дядей, выносящих на обсуждение приговор Саше, сопровождаются ироничным замечанием метанаблюдателя:

Для людей посторонних и незаинтересованных подобные вопросы представляются легкими, для тех же, на долю которых выпадает несчастье — решать их серьезно, они чрезвычайно трудны (Задача. С. 353).

Присутствие метанаблюдателя проявляется в системе комментариев к внешней линии повествования, основанной на аргументах участников ситуации, и создает внешний фактор речевой коммуникации. Однако дополнение внутренними факторами речевой коммуникации: указание на возраст героя рассказа, корректировка аргументов дядей описанием состояния героя: *Он не чувствует ни страха, ни стыда, ни скуки, а одну только усталость и душевную пустоту* (Задача. С. 355), — недоумение Саши: *долг — не преступление, и редкий человек не должен. Полковник и Иван Маркович — оба в долгах* (Задача. С. 356) — направляет внимание читателя с нарративного дискурса в аргументативный: «*В чем же я еще грешен?*» —

думает Саша. Данная аргументативная стратегия объясняет последующую манипуляцию Саши и игровое соотношение в рассказе двух планов комической модальности. Так, дилемма фабульного свойства, обладающая экспрессией этического плана — о спасении фамильной чести, — переводится в дилемму также этического характера, но обретающую уже сюжетобразующее значение. Рассуждениям родственников о преступлении племянника противопоставляется аргумент Саши:

Нет, это не значит, что я преступен... — думает Саша. — И не такой у меня характер, чтобы решиться на преступление. Я мягок, чувствителен... когда бывают деньги, помогаю бедным... (Задача. С. 356).

Внутренняя манипуляция Саши основана на следовании логике добрейшего дяди и выявляет у него самооправдание как убеждающее себя лицемерие. Последовавшее после вынесения приговора манипулирование Сашей Ивана Марковича (требование денег, иначе он использует вновь фальшивый вексель) трансформирует повествовательный дискурс обсуждения/осуждения героя в аргументативный. Проповедь Ивана Марковича на семейном совете о «правах молодости» становится приговором метанаблюдателя о девальвации уже не семейной чести Усковых, а конвенциональной — чести как этической нормы.

Смена настроения Саши, которому было «совестливо» и «жутко», на радость свободы, ненависть и желание произнести дерзость в адрес дяди-полковника приводит к согласию героя с родственниками: *Да, я преступен* (Задача. С. 359). Если рассказ начался с недоумения Саши, почему его считают «негодяем и преступником», то отсутствие раскаяния в мелькнувшей «мыслишке», прозрение и успокоение героя завершают повествование в новой аргументативной этической определенности. Утверждение преступности Саши и неприменимость к нему этических категорий «грех — вина — раскаяние» как условий прощения переводит историю о спасении фамильной чести в рассказ об отсутствии чести у всех субъектов коммуникации и внутреннем — с точки зрения аксиологии — родстве героев рассказа. Так формируется персуазивная программа рассказа — решение задачи как признание преступления всеми участниками коммуникации на уровне внешних факторов коммуникации. На уровне внутренних факторов коммуникации решение задачи выявило нивелировку ценностных представлений.

Приведенные примеры показывают, что метанаблюдатель реализует метасмысл рассказанной истории, корректируя аргументы дядей в решении трудной задачи не явленными в вербальной коммуникации аргументами Саши и разоблачает ханжескую подмену «аристократической родней» подлинной чести ложной. Отсюда внимание к невербальным проявлениям риторической несостоятельности аргументов: дядя-полковник *идет из кабинета не в залу, а через переднюю* (Задача. С. 358), в описании дяди по матери акцентирована избыточная драматизация: *заплаканные глаза глядят весело и рот кривится в улыбку* (Задача. С. 358). Наизидательность Ивана Марковича и его личная убежденность в правомерности приведенных им аргументов подвергаются испытанию угрозой Саши. Ужас и несвязное бормотание показывают утрату Иваном Марковичем уверенности и его риторическую беспомощность.

Смена настроений Саши: от индифферентности к своей судьбе — к страху, от нежелания признать себя — к грешному чувству свободы и радости, от угрозы Ива-

ну Марковичу — к внутреннему согласию с родней о преступности природы — отражает в конечном счете единство манипуляций, аргументативных стратегий и аргументативных результатов всех участников события. С одной стороны, истории семейной чести и мнимому раскаянию героя противопоставлен метасмысл метанаблюдателя с его манипуляцией читателем. Автор переводит фабулу преступления и наказания (приговора) в сюжет девальвации чести в лице каждого из участников истории. Персонифицируемые героями риторические модальности воплощают способы перлокутивного воздействия автора как основу комического сюжета решения сложной и неприятной задачи. С другой стороны, внутренняя риторическая коммуникация делает текст персуазивной программой посредством метасмысла, который создает метанаблюдатель. Жанровая специфика рассказа, по фабульной линии производящая впечатление социально-бытовой зарисовки о спасении фамильной чести, оборачивается аргументативным дискурсом о девальвации чести.

Манипуляция в пьесе Чехова «Предложение»

Предпринятый в данном подразделе анализ манипуляции как риторического аргумента созвучен установленному Г. Голломбom принципу «присутствия, данного в отсутствии», охарактеризованному ученым в аспекте понятия «провал коммуникации» (цит. по: [Степанов 2016: 187–193]). Отмеченные Голломбom критерии типологии коммуникативных отношений («люди говорят правду или неправду о том, что они понимают или не понимают друг друга»; диалог «глухих», которые стараются (или не стараются) слушать собеседника, vs диалог не желающих слушать и т. д.), характерные для чеховских пьес речевые жанры (такие как «зависающие в воздухе» признания, «перекрестная коммуникация» (полилог), функции иностранных языков, многозначность молчания), исследованные, в свою очередь, Степановым, подтверждают роль манипуляции как риторического аргумента и отражают факторы жанровой трансформации.

Конфликт пьесы «Предложение»² и производимый ею комический эффект обусловлены столкновением аргументативных стратегий героев, отражающих, с одной стороны, несовпадение коммуникативных настроек, с другой — свойства и качества их природы как фактор, определяющий их аргументативные стратегии. Высказывания героев пьесы корректируются авторскими ремарками и репликами, которые создают отдельную — авторскую — группу коммуникативных настроек, характеризующих идиоречевое поведение Чубукова, его дочери Натальи Степановны и Ломова. Так, в афише автор указывает на то, что Иван Васильевич Ломов — «очень мнительный» помещик. Это уточнение выбивается из общего нейтрального представления других героев пьесы.

В отличие от рассмотренного рассказа, пьеса Чехова являет в комической модальности новые приемы перлокутивного воздействия на читателя. Они и формируют пьесу как аргументативный дискурс. В отличие от рассказа, предметная образительность заменена аллюзивной иллюстративной дискурсивностью [Тюпа

² Чехов А. П. Предложение: Шутка в одном действии. Цит. по: Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 11. Пьесы, 1878–1888. М.: Наука, 1976. С. 313–330. <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/spb/spb-313-.htm> (дата обращения: 26.11.2019). (Далее — Предложение.)

2008: 281], которая создается, во-первых, деталями костюма: фрак и белые перчатки Ломова подтверждают догадку читателя о торжественном поводе его визита к соседу. Во-вторых, иллюстративная дискурсивность создается сообщением деталям костюма функции нарративных сигналов, верно прочитываемых опытным Чубуковым. Повторы (тройное упоминание фрака Ломова — в ремарке, в репликах Чубукова и его дочери) отражают разную риторическую роль детали, градацию от нарративно-повествовательной констатации автора до вопроса, выражающего любопытство Чубукова и выдающего наблюдательность Натальи Степановны. После ссоры соседней этот же фрак в устах Чубукова наделяется презрительной коннотацией: *И во фрак потому нарядился!* (Предложение. С. 323). Другими словами, аргументативным дискурсом текст пьесы делает не только ее когнитивно-поведенческое содержание, подразумевающее действия и реакции героев, но и невербальная коммуникация.

Полноту и экспрессивность аргументативного содержания текста обеспечивает риторическое содержание идиоречевого поведения героев. С одной стороны, примечательна речь Чубукова, избыточная ласковыми словами: *голубушка, мамочка, ангел мой, драгоценный мой, красавец, мамуся, цыпочка*. Широта заключенного в ней диапазона вербальных и эмотивных проявлений особенно выразительна на фоне сбивчивой речи Ломова, сотканной из незаконченных предложений, построенной на синтаксических каламбурах, появляющихся в моменты волнения героя и представляющих собой неуклюжие попытки сохранить светскость, нормы этикета, например: *Уважай Степаныч... виноват, Степан Уважаемыч* и т. д. Однако сохранение тех же ласковых слов в речи Чубукова способно подвергнуться стилистической корректировке автором, направляющим их в противоположную семантическую обусловленность, когда между героями происходит конфликт.

Внутренний монолог Ломова, его коммуникативная настройка обнаруживает неуверенность героя и недостаточную готовность к принятому решению, продиктованному эгоцентрической заботой о здоровье. Важным сюжетобразующим фактором в пьесе являются ремарки. Они не только обладают иллюстративностью дискурсивного свойства, но и корректируют заключенное в лексико-стилистическом контексте содержание, выполняют роль нарративных скреп в развитии фабулы. Информативной значимостью и вместе с тем комической модальностью обладают детали, сообщаемые героями, помещенные в иронический контекст. Например, Наталья Степановна сообщает: *...я в фартуке и неглиже, оправдываясь за рабочий вид (чистит горошек для сушки)* (Предложение. С. 318). Комический эффект создают реплики Ломова, предвещающие ответ собеседника: *Конечно, вы удивитесь и даже рассердитесь* (Предложение. С. 318), а также его обещание: *Я постараюсь быть краток* (Предложение. С. 318). Обе реплики не оправдывают подразумеваемого ожидания и определяют формулу конфликта как столкновение коммуникативных настроек героев, исключают манипуляцию до завязки конфликта.

Завязкой конфликта служит анакриза — известный со времен античной риторики способ заставить собеседника высказать мнение до конца. Не предвещавшее Ломову катастрофы уточнение о Воловьих Лужках — как о границе его имени и Чубуковых — вызвало ответные уточнения со стороны отца и дочери. Противоположные мнению Ломова неожиданные и новые для него сведения о принадлежности спорной территории Чубуковым создают в пьесе комический эффект. Комизм ситуации заключается в том, что много лет Воловьи Лужки воспринимались

каждой стороной конфликта личной собственностью. Так происходит столкновение аргументативных стратегий, представляющих разные персуазивные программы. Они основаны на несовпадающих способах убеждения. Так, недоумение Натальи Степановны: *Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам заявляют, что земля не наша!* (Предложение. С. 320), как и комическое непонимание идиомы о купце, пришедшем за товаром, быстро принимает наступательный характер. Героиня проявляет не только неуступчивость, но и категоричность, агрессию, не желая, по ее словам, терпеть несправедливость. Безвольная уступка Ломова ради прекращения конфликта довольно быстро вырастает в выяснение отношений. Так создается синкриза — прием риторики, представляющий собой сравнительное противопоставление. Из «хорошего соседа», «друга» Ломов превращается в дерзкого, обращающегося с соседями «как с цыганами» человека. Возмущение Ломова усиливается мнением Натальи Степановны о нем как «узурпаторе», «захватчике». Состояние героя — состояние оскорбленного человека. Угроза Натальи Степановны послать косарей в качестве возмездия и права обладания Воловьими Лужками встречает сопротивление Ломова, не умеющего аргументировать позицию. Героиня сопровождает угрозу императивным *Можете кричать и хрипеть от злости у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!* (Предложение. С. 321). Взывая к этикету собеседника, Наталья Степановна не утруждает себя его соблюдением. Поведение Чубукова, разделяющего позицию дочери, демонстрирующего властную натуру (*Я вашего не желаю и своего упускать не намерен* (Предложение. С. 321–322)), требующего уважения к своему возрасту, расценивается Ломовым как поведение «узурпатора». Если в отношении себя Ломов был оскорблен несправедливым обвинением, то в отношении Чубукова для Ломова это объективная оценка агрессии. Так, определение соседа отцом и дочерью в «узурпаторы» становится в пьесе наиболее сильным приемом воздействия автора на читателя.

В пылу ссоры звучат взаимные оскорбления, распространяющиеся уже на предков героев. Нарушение табу на память почивших: от «кляузной натуры», «сутяжников» (род Ломовых) до смешавшихся уже в криках «растратчиков», «картежника и обжоры», «кривобокой матери Чубукова», сплетницы — тети Ломова — простирается до взаимного обмена оскорблениями: Чубуков назван интриганом, а Ломов — «ехидным, двуличным и каверзным человеком». Распалившиеся отец и дочь продолжили риторически выразительный ряд оскорблений соседа: «Мерзавец!», «Чучело гороховое!», «Урод этакий!», «эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота». Кульминацией становится возмущение Чубукова решением соседа сделать предложение его дочери, хотя в экспозиции пьесы эта же причина визита была источником его умиления. Кардинальная перемена наблюдается и в поведении Натальи Степановны, которая рассмотрела за обмороком Ломова уже не манипуляцию, а реальность смерти. Находящийся сам во власти «ажитации», в которой обвинял Ломова, Чубуков не слышит страданий дочери и продолжает изощряться в ругательствах: «Сосиска этакая! Сморчок!» Афиша же, в которой Ломов представлен как «здоровый, упитанный», вносит коррективы в авторскую провокативность оценки героя, создавая образ импульсивного, мелочного, тщеславного, мнительного, нервического человека.

Метанаблюдатель обнаруживает свое присутствие, корректируя аргументативные стратегии героев ремарками и манипулируя речевым поведением героев,

сталкивая синкризы и анакризы в речевом поведении героев, усиливая карнавальность приемами вербального перлокутивного воздействия и визуального, зрелищного эффекта. Манипуляция героев: Натальи Степановны, угрожающей смертью; Чубукова, который тоже грозит застрелиться, повеситься, но тем не менее возвращает выгодного жениха, цитируя при этом Фамусова: «О, что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» — характеризует расхождение аргументативных стратегий и аргументативных результатов как исток комической модальности произведения. В реплике Чубукова *Выругали человека, осрамили, выгнали* (Предложение. С. 324) автор «спрятал» фабулу и вместе с тем идею меркантильности, допускающей взаимные оскорбления отца и дочери и готовность отказаться от них во имя выгоды брака.

Далее пьеса развивает коллизию **принципа** и вводит в пьесу новую систему синкриз. Наталья Степановна вдруг припоминает: «Воловьы Лужки в самом деле ваши», а Ломов пытается идти на компромисс: *Мне не дорога земля, но дорог принцип* (Предложение. С. 325). Герой манипулирует отсутствующими у него понятиями о чести. Почти достигнутое согласие оказывается под угрозой из-за спора о собаках Угадай и Откатай, сами клички которых становятся зеркальными отражениями хозяев, когда речь заходит о достоинствах и реальной стоимости домашних животных. Позиция метанаблюдателя направляет восприятие читателя на понимание ничтожности причины, из-за которой вспыхивает с новой силой ссора. Страсть, с которой люди оскорбляют друг друга, показывает отсутствие границ этики. Восприятие героями оценок их собак как личной обиды: *стар и уродлив, как кляча, Чтоб он издох, ваш Откатай!, А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того ужедохлый!* (Предложение. С. 326) — приводит к очередным взаимным оскорблениям. Частотность упоминания смерти, причем в сниженном, вульгарном, обытовленном значении, перекликается с манипуляцией смертью как последним аргументом в споре всеми тремя героями пьесы.

Развитие новой сюжетной коллизии — о способности Ломова быть охотником — вызывает новую порцию саркастических и язвительных комментариев отца и дочери Чубуковых, для которых болезненность, сердцебиение, обморочное состояние Ломова, подразумевающие милосердие, становятся поводом к дальнейшему уничтожению молодого героя:

Сердцебиение... Какой вы охотник? Вам в кухне на печи лежать да тараканов давить, а не лисиц травить! (Предложение. С. 328), Сердцебиение... Вправду, какой вы охотник? С вашими, вот именно, сердцебиениями дома сидеть, а не на седле болтаться. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете! (Предложение. С. 329)

Ожидаемое сострадание невозможно, потому что отец и дочь Чубуковы, не желая видеть состояния Ломова, подозревают его в манипуляции. Реплики Ломова: «Интриган», «Старая крыса! Иезуит!» — и Чубукова: «Мальчишка! Щенок! Свистун!», «Мальчишка! Молокосос!» — возвращают отношения героев в прежнее русло. Повторяемость слов отражает не только скудость речи, уязвимость и слабость аргументации героев, но и подлинную их суть, несовместимость масок, которые они репрезентуют в обществе, с положением в настоящий момент. Разоблачение героев с их благопристойными масками заключается в показе того, что со стороны

Ломова нет уважения к возрасту Чубукова, будущего тестя. Кроме того, психологический инфантилизм Ломова несовместим с ролью жениха.

Очередная манипуляция Чубукова — смертью — из-за непонимания и неумения разрешить ситуацию: *Несчастнейший я человек! Отчего я не пускаю себе пулю в лоб? Отчего я еще до сих пор не зарезался? Чего я жду? Дайте мне нож! Дайте мне пистолет!* (Предложение. С. 330) — вносит в пьесу комический ракурс изображения. Зablуждение отца и дочери, принявших обморок за смерть, сопровождается не переживанием и ожидаемым чувством вины, а страхом и взаимными обвинениями. Циничное облегчение Чубукова *Точно гора с плеч* и самовольное приближение развязки *Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!* предвосхищают будущие, подразумеваемые метанаблюдателем сцены раздора как часть семейной жизни молодых. Метанаблюдатель, обозначив жанром пьесы «шутку», напоминает читателю об идиоме: «Чем бы молодые ни тешились, лишь бы не плакали».

Сатирико-бытовое описание и портреты помещиков в пьесе Чехова «Предложение» возрождают традиции русской драматургии 1830–40-х гг., времен натуральной школы и купеческих пьес А. Н. Островского. Таким образом, пьеса становится одновременно фарсом и мениппеей.

Выводы

Итак, установление связи между текстом как персуазивной программой и категорией жанра, трактовка внешних факторов воздействия как результата несоответствия коммуникативных настроек героев, рассмотрение в качестве внутренних факторов коммуникации манипуляций героев как риторического аргумента, интерпретация авторской точки зрения как метасмысла и управления читателем позволили сделать следующие выводы.

Различение внешних и внутренних факторов эффективной риторической коммуникации привело к установлению связи между жанром и способами перлокутивного воздействия и организацией текста как персуазивной программы. В качестве единого внешнего фактора эффективной риторической коммуникации трактуется сюжет, который исследуется как результат несоответствия коммуникативных настроек, источник комической модальности, перлокутивного воздействия и управления автором рецепцией читателя. Такой подход позволяет понять единство текста как персуазивной программы, основанной на метасмысле.

Различия способов перлокутивного воздействия в рассказе характеризуются в аспекте предметной изобразительности, роли метанаблюдателя, корректирующего аргументативные стратегии героев и объясняющего единство аргументативных результатов. Новизна приемов перлокутивного воздействия в пьесе обоснована аллюзивной иллюстративной дискурсивностью. Трактовка произведения как аргументативного дискурса опирается на риторическое содержание идиоречевого поведения героев, систему аргументативных стратегий героев. Метанаблюдатель манипулирует речевым поведением героев, синтезируя лексические ресурсы с визуальным, зрелищным и аудиальным эффектом. В качестве истока комической модальности произведения показано расхождение аргументативных стратегий и аргументативных результатов, что способствует роли манипуляции в создании жанра шутки, синтезирующей признаки водевиля, фарса, социально-бытовой комедии.

Учебники и учебные пособия

- Основы общей риторики 2013 — *Основы общей риторики*: учеб. пособие. Чувакин А. А. (ред.). 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. С. 149–160.
- Риторика 2018 — *Риторика*. Учебная книга для магистратуры по направлению/специальности «Филология» в вузах России и Казахстана. Ю. А. Качесова (ред.). Электрон. текст. дан. (4,7 Мб). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. 1 электрон. опт. диск (DVD+R). № гос. регистрации 0321900321.

Литература

- Бахтин 1986 — Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Изер 2019 — Изер В. *К антропологии художественной литературы*. 4 сентября 2019. <http://www.polit.ru/research/2009/02/27/izer.html> (дата обращения: 21.01.2020).
- Качесова 2016 — Качесова И. Ю. Аргументативная модель риторики. *Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник-2016*. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. 2016. <http://elibrary.asu.ru/xmlui/discover> (дата обращения: 27.01.2020).
- Куссе, Чернявская 2019 — Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 444–463.
- Руднев 2000 — Руднев В. П. *Прочь от реальности: Исследования по философии текста*. М.: Аграф, 2000. 432 с.
- Сковородников, Копнина 2003 — Сковородников А. П., Копнина Г. А. Чичиков как манипулятивная личность: к вопросу о коммуникативном подходе к анализу художественного текста. В сб.: *Художественный текст и языковая личность: материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та* (29–30 окт. 2003 г.). Болотнова Н. С. (ред.). Томск, 2003. С. 76–83.
- Степанов 2005 — Степанов А. Д. *Проблемы коммуникации у Чехова*. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- Степанов 2016 — Степанов А. Д. Новые англоязычные работы о Чехове. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016, 3 (9): 187–193.
- Тюпа 2008 — Тюпа В. И. Дискурсивный анализ. В кн.: *Анализ художественного текста*. М.: Академия, 2008. С. 273–299.
- Тюпа 2010 — Тюпа В. И. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- Уразаева 2019 — Уразаева К. Рассказ А. Чехова как мениппея: смеховая культура, карнавальная обр-разность и двоякая событийность. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019 (3): 176–185.
- Уразаева, Азкенова 2020 — Уразаева К. Б., Азкенова Ж. К. Речевая/неречевая манипуляция — источник метасмысла в рассказе А. П. Чехова «Смерть чиновника». *Езиков свят. Orbis Linguarum*. 2020, 18 (1): 52–57. <https://doi.org/E10.37708/EZS.SWU>.
- Чалый 2015 — Чалый В. В. Литературный персонаж как воздействующая личность: когнитивно-лингвистический анализ прозы А. П. Чехова. *Когнитивные исследования текста и дискурса*. 2015, (22): 424–426.
- Шляхов 2014 — Шляхов В. И. Глубинные структуры текста. *Русский язык за рубежом*. 2014 (4): 53–60.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Kuralay B. Urazayeva

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan
enu@enu.kz

Zhanargul K. Azkenova

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan
azkenova@mail.ru

Manipulation as a rhetorical argument in Chekhov's poetics*

For citation: Urazayeva K.B., Azkenova Zh.K. Manipulation as a rhetorical argument in Chekhov's poetics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 298–312. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.204> (In Russian)

The article presents the experience of a discursive-oriented approach in the study of works of fiction and is devoted to the study of manipulation as a rhetorical argument. Summarizing the results of studying literature from the perspective of communicative strategies required describing the text as a communicative strategy in its connection with discourse. The analysis of manipulation is carried out by means of solving problems: classification of external and internal factors of effective communication, comparison of argumentative strategies of literary characters with argumentative results, and the establishment of factors of genre transformation. The interpretation of external factors of influence as a result of the disparity of communicative settings of heroes, and internal factors of communication as manipulation of heroes is conducted in the article. The analysis of the author's point of view from the positions of metasense and meta-observer allowed the authors of the article to establish a connection between the genre and the methods of perlocative influence and the organization of the text as a pervasive program. The differences in the methods of perlocative influence in the story are explained by allusive illustrative discursivity. The analysis of the comic modality of the work showed a discrepancy between argumentative strategies and argumentative results, which revealed the role of manipulation in the genre transformation based on the synthesis of vaudeville, farce, and social comedy. The establishment of factors of genre transformation in Chekhov's poetics became possible on the basis of the analysis of Chekhov's humor from the positions of metasense and semantic gaps.

Keywords: Chekhov, manipulation, rhetorical argument, *A Problem, A Marriage Proposal*.

References

- Бахтин 1986 — Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russian)
- Изер 2019 — Izer V. *To the anthropology of literature*. 4 September 2019. <http://www.polit.ru/research/2009/02/27/izer.html> (accessed: 21.01.2020). (In Russian)
- Качесова 2016 — Kachesova I. Iu. Argumentative model of rhetoric. In: *Filologo-kommunikativnye issledovaniia*. Ezhegodnik-2016. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016. <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3188> (accessed: 21.01.2020). (In Russian)
- Куссе, Чернявская 2019 — Kusse H., Chernyavskaya V. E. Culture: explanatory possibilities of a concept in discursive linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 444–463. (In Russian)

* The article was written within the framework of the project of "Formation of a profession multilingual personality of the type in the conditions of multilingual education of the Republic of Kazakhstan" (supervisor D-r. of Philology prof. Sh. K. Zharkynbekova) under contract no. 132, March 12, 2018.

- Руднев 2000 — Rudnev V.P. *Away from reality: Studies in the philosophy of text*. Moscow: Agraf Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
- Сковородников, Копнина 2003 — Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. Chichikov as a manipulative personality: on the question of a communicative approach to the analysis of a literary text. In: *Khudozhestvennyi tekst i iazykovaia lichnost': materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 10-letiiu kafedry sovremennogo russkogo iazyka i stilistiki Tomskogo gos. ped. un-ta* (29–30 okt. 2003 g.). Bolotnova N. S. (ed.). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2003. P. 76–83. (In Russian)
- Степанов 2005 — Stepanov A. D. *The problems of communication in Chekhov*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p. (In Russian)
- Степанов 2016 — Stepanov A. D. New English-language works about Chekhov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Serii 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2016, 3 (9): 187–193. (In Russian)
- Тюпа 2008 — Tiupa V.I. Discourse analysis. In: *Analiz khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Akademiia Publ., 2008. P. 273–299. (In Russian)
- Тюпа 2010 — Tiupa V.I. *Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 320 p. (In Russian)
- Уразаева 2019 — Urazaeva K. A. Chekhov's story as a menippea: laughter culture, carnival imagery and dual eventfulness. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2019 (3): 176–185. (In Russian)
- Уразаева, Азкенова 2020 — Urazaeva K. B., Azkenova Zh. K. Speech/non-speech manipulation is a source of metasense in the story by A. Chekhov «The death of a government clerk». *Ezikov sviat. Orbis Linguarum*. 2020, 18 (1): 52–57. <https://doi.org/E10.37708/EZS.SWU>. (In Russian)
- Чалый 2015 — Chalyi V. V. A literary character as an impacting personality: a cognitive-linguistic analysis of A. P. Chekhov's prose. Cognitive studies of text and discourse. *Kognitivnye issledovaniia teksta i diskursa*. 2015 (22): 424–426. (In Russian)
- Шляхов 2014 — Shliakhov V.I. The deep structure of the text. *Russkii iazyk za rubezhom*. 2014 (4): 53–60. (In Russian)

Received: April 24, 2020

Accepted: December 3, 2020